Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 2 (22) 2023

А. Г. Авдеев, О. Н. Радеева

Старорусские эпиграфические памятники: «большая» или «малая» эсхатология?

УДК 271.2-175:930.2+726
DOI 10.47132/2618-9674_2023_2_70
EDN LMBZDT

Аннотация: В статье изучается проблема эсхатологических настроений на Руси на рубеже XVII–XVIII в. В современной историографии популярен вывод об усилении в это время «большой» эсхатологии — ожидания скорого Страшного суда. Анализ одной из массовых категорий источников конца XVII — начала XVIII в. — эпитафий, строительных надписей и др., непосредственно связанных с православным благочестием и поминальной культурой — позволяет заключить, что наиболее актуальной для людей этого времени была «малая» эсхатология, то есть вопрос о посмертной участи души. Она вытекала из функционального назначения эпитафий и являлась своеобразной формой повседневной заботы живых о посмертной участи усопших, способной избавить их от адских мук и — в неопределённом будущем — шуего стояния на Страшном Суде. Это подчёркивают реминисценции на погребальный канон преподобного Иоанна Дамаскина и апокрифические тексты, включённые в текст эпитафий. Строительные надписи обычно связаны с одной из форм «малой» эсхатологии — заботой о будущем собственной души и вечном поминовении храмоздателя, его усопших родителей и родственников. Примеры «малой» эсхатологии также отражены в нравоучительных рассказах из сборников «Великое зерцало» и «Римские деяния», синодичных предисловиях, духовных стихах и лубочных картинках, популярных в эту эпоху.

Ключевые слова: старорусская эпиграфика, Свод русских надписей, эпитафии, строительные надписи, православная эсхатология, «малая» эсхатология, посмертная участь души, синодики, погребальный Канон преподобного Иоанна Дамаскина, апокрифы.

Об авторах: **Александр Григорьевич Авдеев**
Доктор исторических наук, профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского, Москва.
E-mail: avdey57@mail.ru OCRID: https://orcid.org/0000-0001-7253-9126

Ольга Николаевна Радеева
Кандидат исторических наук, зав. сектором комплектования и экспертизы Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.
E-mail: RadeevaON@rsl.ru

Статья написана в рамках исследовательского проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum» (https://www.cir.rssda.su), поддержанного Университетом Дмитрия Пожарского, Лабораторией RSSDA, а также ПСТГУ. Научный руководитель проекта — А. Г. Авдеев, технический руководитель — Ю. М. Свойский.

Для цитирования: Авдеев А. Г., Радеева О. Н. Старорусские эпиграфические памятники: «большая» или «малая» эсхатология? // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 2 (22). С. 70–88.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 19.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.

Paleorosia. Ancient Rus
in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal
of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 2 (22) 2023

Alexander Avdeev, Olga Radeeva

Old Russian Epigraphic Monuments: "Big" or "Small" Eschatology?

UDK 271.2-175:930.2+726
DOI 10.47132/2618-9674_2023_2_70
EDN LMBZDT

Abstract: Studied in the article is the problem of eschatological moods in Rus' at the turn of the 17th-18th centuries. In modern historiography, there is a popular conclusion of intensification of the "big" eschatology, i.e. waiting for an imminent Last Judgment, at that time. Analysis of one of the mass categories of sources of the late 17th — early 18th centuries — epitaphs, building inscriptions, etc. directly related to the Orthodox piety and funeral culture — allows concluding that the most relevant for the people of that time was "small" eschatology, i.e. the issue of the soul's posthumous fate. This issue resulted from the functional purpose of epitaphs and was a peculiar form of daily concern of the living for the posthumous fate of the dead, capable of saving them from the torments of hell and — in an indefinite future — from standing on the left during the Last Judgment. This is emphasized by the reminiscences of the Funeral Canon of St. John of Damascus and the apocryphal texts included in the epitaphs text. Building inscriptions are usually associated with one of the forms of "minor" eschatology — concern for the future of one's own soul and eternal commemoration of the church caretaker, his deceased parents and relatives. Examples of "small" eschatology are also reflected in moralizing stories from the collections "Great Mirror" and "Roman Acts", synodic prefaces, spiritual verses and popular prints (lubok) in that epoch.

Keywords: Epigraphy of Moscow Russia, Corpus Inscriptionum Rossicarum, Codex of Russian Inscriptions, Epitaphs, Building Inscriptions, Orthodox Eschatology, Posthumous Fate of the Soul, Synodiks, Funerary Canon of St. John of Damascus, Apocrypha.

About the authors: **Alexander Avdeev**
Doctor of History, Professor of the Faculty of History and Philology at the St. Tikhon's Orthodox University, researcher at the Dmitriy Pozharskiy University, Moscow
E-mail: avdey57@mail.ru OCRID: https://orcid.org/0000-0001-7253-9126

Olga Radeeva
PhD in History, Head of Acquisition and Examination Sector of the Department of Manuscripts of the Russian State Library, Moscow.
E-mail: RadeevaON@rsl.ru

The article was written as part of the research project «Corpus in-scriptionum Rossicarum» (https://www.cir.rssda.su), supported by Dmitry Pozharsky University, RSSDA Laboratory and PSTGU. The scientific supervisor of the project is A. G. Avdeev, the technical supervisor is Yu. M. Svoysky.

For citation: Avdeev A., Radeeva O. Old Russian Epigraphic Monuments: “Big” or “Small” Eschatology? *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2023, No. 2 (22), p. 70–88.

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 19.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива.

А. Н. Радищев

Бурные события XVI–XVII вв. привели ряд исследователей к заключению об усилении эсхатологических ожиданий в это время. Сравнительно недавно Д. И. Антонов убедительно показал их прямую связь со Смутным временем, когда многочисленные самозванцы воспринимались либо как предтечи Антихриста, либо как его воплощение[1]. Ещё ранее А. Л. Юрганов связал ожидания Страшного Суда с опричным террором Ивана Грозного, однако основной источниковой базой для этих выводов послужили записки немцев-опричников, давших ужасающие описания многочисленных казней. Эти сочинения предназначались читательской аудитории вне пределов России и были созданы вне православной религиозно-культурной традиции, что вызывает сомнения в выводах исследователя. Более убедителен его вывод об усилении эсхатологических ожиданий в среде старообрядцев в 60-е — 90-е гг. XVII в. как ответ на церковную реформу патриарха Никона и петровскую «вестернизацию»[2]. Л. Б. Сукина абсолютизировала этот вывод, распространив его на всё русское общество того времени. Исследовательница связала ожидания Страшного Суда с расцветом «литературного» синодика, хотя и признала, что в центре внимания составителей синодиков всё же стояла «малая» эсхатология — забота о посмертной участи человека[3].

Ответ на вопрос, что больше волновало московитов в конце XV–XVII вв. — «большая» или «малая» эсхатология — дают эпиграфические памятники, которые практически обойдены вниманием исследователей русской культуры. Они являются одной из наиболее массовых категорий исторических источников этого времени, генетически не связанных друг с другом.

В системе подобий эпитафии на надгробных плитах и неразрывно связанные с ними бумажные синодики являли «честь, чин и образец» друг другу. Они ассоциировались с упоминаемой в Апокалипсисе «Книгой Жизни», куда будут вписаны имена праведников[4]. «То бо суть книги животныя», — поучал братию прп. Кассиан Угличский († 1504)[5]. На это же указывает и синодичное предисловие в редакции св. патриарха Иова: «Сїѧ книги спасены, и҆ дш҃еполезны сꙋть. в҆ нїже написашасѧ хотѧщеи дш҃ѧ своимъ спасенїѧ, и҆ помощи во страшный великїй дн҃ь грозного и҆ трепетного хр҃това сꙋда. сими книгами избавитисѧ мꙋки вѣчныѧ, и҆ причестисѧ в ли и҆збранны оꙋгодившихъ хр҃тꙋ, и҆ потрꙋдившисѧ бг҃а ради. и҆ пострадавши цр҃тва ради»[6]. Точно так же и белокаменная намогильная плита могла восприниматься как *персональный* образ жизни вечной[7]. Поминовение вписанных в синодики лиц считалось делом душеполезным, ибо, как отмечено в цитированном выше синодичном предисловии, «тѣмже братїе прежде часа ѻ҆ного дрꙋгъ дрꙋгꙋ

[1] *Антонов Д. И.* 1) Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII в. М., 2009; 2) Цари и самозванцы: Борьба идей в России Смутного времени. М., 2019.

[2] См.: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356–410.

[3] *Сукина Л. Б.* Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). М., 2021. С. 19–21.

[4] Откр. 20: 12–15; см. также: *Дергачёва И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С 89–90.

[5] Житие Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2008. С. 128.

[6] РГБ ОР. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 156. Л. 1.

[7] См.: *Беляев Л. А.* Археолог на кладбище // Московское наследие. 2015. № 3 (39): Московский некрополь: от кургана до Мавзолея. С. 31–32.

помѡ́жѣ помина́нїе и҆ бж҃твеными слꙋ́жбами и҆ понахи́ды и҆ мл҃твоѥ, и҆ млⷭ҇тынею к҃ бж҃їимъ цр҃ко҃вꙋ и҆ к҃ ни́щїи»[8]. Прп. Кассиан Угличский призывал братию: «**сенники чтите, <…> пишетъ бо лще помнилетъ умерышыѧ, то и самъ помѧновенъ бꙋдетъ**»[9]. Уподобление бумажных синодиков книгам животным более подробно изложено в одном из синодиков конца XVII в., что характерно уже для умонастроений эпохи заката Московской Руси: «**Ꙋслы́шавъ же а҆́нг҃лъ гдⷭ҇нь моле́нїе в҃ цр҃кви ꙗ҆ ѿ сїнѝкъ ꙗ҆ ѡ҆ ѹ҆сопшихъ дш҃а́хъ гдⷭ҇ꙋ бг҃ꙋ. и҆ ра́дость ѥ҆́сть ꙗ҆ ї҆ на нб҃о восхо́дитъ ꙗ҆́кѡ нѣ́который до́лгъ и҆справлѧ́ѧ ꙗ҆ и҆ та́ко напи́шꙋетъ и҆мена҃ тѣ́хъ ꙗ҆ в҃ вѣ́чныхъ ѡ҆бита́телехъ ꙗ҆ в кн҃ги жївотныѧ ꙗ҆ ѕлаты́ми пи́смены в немерцѧ́ющемъ свѣ́тѣ ꙗ҆ и҆дѣ́же ра́дости не бꙋ́детъ кѡнца҃**»[10].

Но столь же душеполезным считалось и чтение эпитафий, в свою очередь, уподоблявшихся синодичным записям. Об этом же свидетельствует и один из наиболее ранних образцов «классического» диалога путника и надгробия в эпитафии на неизданной белокаменной намогильной плите 1561/62 г. из Волоколамска: «**л҃то | чтетъ · томꙋ на зр҃лѣе и** [н]**а спс҃ѣнье**»[11]. В этом случае чтение эпитафий можно сравнить с раздачей всем присутствующим на службе мужчинам синодиков для немого поминовения умерших[12].

Пожалуй, первый эпиграфический памятник, имеющий непосредственную связь с «большой эсхатологией», — это рассмотренная в начале главы надпись на белокаменном кресте дьяка Стефана Бородатого, в которой последний угрожает нарушителям условий вклада судом «|[18] **во второе прїшествїе пре҃ |**[19] **самѣ҃ хр҃мь**»[13]. Однако эта надпись стоит у истоков старорусской эпиграфики, тогда как массовое распространение белокаменных намогильных плит с эпитафиями началось после 1492 г., — первого года 8 тысячелетия от Сотворения мира, года так и не наступившего Страшного суда.

Для более позднего времени одиноким исключением является намогильная надпись конца XVII — начала XVIII вв., происходящая из Московского Богоявленского монастыря[14]:

Здѣ, путниче, при моемъ гробѣ мало стани,
Помысли, какъ смерть имать человѣка {въ} бра{н}и,
Та бо душу мою отъ тѣла разлучила,
Въ плачевномъ гробѣ кости моя заключила;
|[5] Воздохни, прослезися, рцы молитву къ Богу,
Да на страшномъ судище я благодать обрящу {многу}
У Творца Владыки, {да} вселит{ъ} душу мою в нѣдро праведныхъ,
Зане всѣмъ предлежитъ смертно бремя,
Да и ты спасешися въ страшно время.

Содержание эпитафии свидетельствует, что её автор вовсе не ждал Страшного Суда в ближайшее время, но по-своему интерпретировал одно из синодичных предисловий.

---

[8] РГБ ОР. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 156. Л. 22 об.–23.

[9] Житие Кассиана Угличского. С. 128.

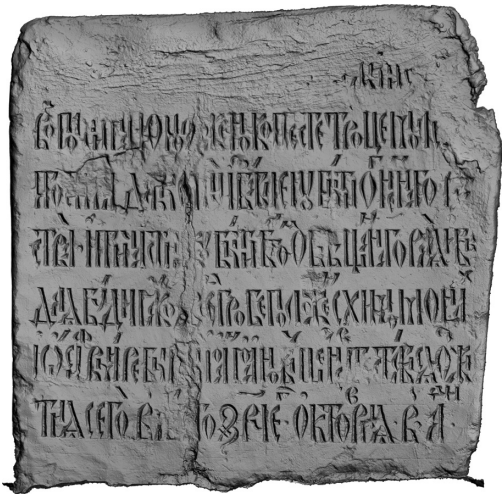
[10] РГБ ОР. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 157. Л. 46 об. — 47 об. Датировка рукописи по филиграни «Герб Амстердама» на л. 1 и 60 (тип Дианова № 204 (1687 г.).

[11] Плита хранится в музейно-выставочном комплексе «Волоколамский Кремль».

[12] *Мурьянов М. Ф.* Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 94.

[13] Анализ надписи см.: *Авдеев А. Г.* О надписи на кресте Стефана Бородатого // Прикосновение к вечности. Сборник статей / Научн. ред. Г. Е. Захаров, свящ. А. Постернак. М., 2017. С. 162–169.

[14] Изд.: *Авдеев А. Г.* Русская силлабическая эпитафия последней четверти XVII — начала второй четверти XVIII в. // Palaeoslavica. 2017. Vol. XXV. № 1. С. 141–142.



Ил. 1. CIR0098. Кострома. Троицкий Ипатьевский монастырь. Белокаменная надгробная плита с эпитафией схимнику Иосифу, в миру Иоанну Иоанновичу Шетневу. 1 октября 1686 г. Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G). Документировано 18.08.2016 г., код документирования OG0126, код надписи CIR0098. Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Екатерина Конакова, Екатерина Романенко, Дарья Анисимова, Евгений Юшин. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева, Глеб Донской, Виталий Васнев.

Для нашей темы принципиальное значение имеют расширения смысловых полей эпитафий, однако до середины XVII в. они редки. Для рубежа XVI–XVII вв. уникальный пример даёт автоэпитафия «раба греха» Ивана (Головы) Соловцова[15], относящаяся ко времени глубоких изменений в культуре и мировоззрении людей, вызванных в том числе потрясениями Смуты. Однако содержание данной надписи свидетельствует об одном из наиболее заметных проявлений этого процесса — особой актуализации личного, пусть даже отрицательного, жизненного опыта в контексте проблемы спасения души человека[16].

В последние десятилетия XVII в. число эпитафий со смысловыми расширениями увеличивается. Один из наиболее значимых примеров, относящихся к этому времени, даёт эпитафия на торце намогильной плиты инока Троицкого Ипатьевского монастыря Иосифа (в миру Иоанна Иоанновича Шетнева), умершего 1 октября 1686 г. **(Ил. 1)**:

[————————- и прегрешения?] ж҃ѝнн с[е^и^]
вѡпомнилю но л[.]ожено ко преcте^[и]^ тро^и^це молю
прости мѧ да ꙗко мн҃ ꙗвлѧ́ленꙋ бы́ти ѻ҃нѣлаго м[ытар]
ствѧ̀, і҃ прича́стникꙋ бы́ти ѥ҃го ѻ҃бѣщалнаго рлѧ̀ и вѣ
дѧ̀ бꙋ́ди ꙗ҃ко в с҃е гробе положе҃ схимомона
х҃ѡсн^ф^ в ми́ре бывы^и^ ї҃ѡ҃ ї҃ѡ҃новꙋ ш҃ене҃ преста́вися ѻ^т^ жи
тнѧ сего̀ в̾ л́ѣто ҂зр҃ѵе · ѻ҃ктѡ́рнѧ · в҃ · а҃^н^ ·

Связь данного текста с «малой» эсхатологией безусловна. Особую уникальность ему придаёт упоминание огненных мытарств, не встречающееся в памятниках древнерусской книжности. Вероятнее всего, этот образ был навеян апокрифическим «Хождением Богородицы по мукам», в котором изображена огненная река и стоящие в ней «блудницы и любодѣицы, татие, иже послушають отаи, что суть ближнии глаголють, свадницы и клеветници, иже чюжие нивы ужинаху, или урояху, иже брени си остани дожидають, иже ядять труды чюжы, малжены разлучаютъ, пьяницы, немилостивы

[15] Изд.: *Авдеев А. Г., Донской Г. Г.* «Неистовый блудник» Иван (Голова) Соловцов // Palaeoslavica. 2014. Vol. XXII. № 2. С. 119–146.

[16] Ср.: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 307–355.

князи, епископи и патриарси, и цари, иже не сотвориша воля Божия, сребролюбци, иже лихву емлють, беззаконницы»[17]. Вполне естественно, что инок Иосиф, подобно Ивану (Голове) Соловцову, видел себя великим грешником, достойным адских мук, от которых его могла избавить молитва читателей эпитафии о упокоении его души.

В ряде случаев эпитафии напоминали читателю о кратковременности человеческой жизни и памяти смертной. Так, зачином надписи из московской церкви Троицы в Хохлах является цитата из Псалтири: «**кто́ есть҃ чл҃вѣ҃к и҆́же пожи҃ве и не ᲂу҆рн҃т смє҃ти**» (Пс. 88:49), служащая своеобразным утешением по поводу безвременной кончины 14-летней Неонилы Чириковой (CIR047, 1695 г.). Эта же цитата — «**кто є҆́сть чл҃вкъ и҆́же пожи҃ве і҆ не ᲂу҆рн҃ смє҃ти**» — воспроизведена на торце белокаменной плите с эпитафией 1638 г. из московской церкви Космы и Дамиана в Малых Садовниках[18]. Однако вырезана она была в первой четверти XVIII в., когда плита лежала уже перевёрнутой. Можно предполагать, что в данном случае те же самые слова настраивали читателя на мысленный диалог, так как он мог воспроизвести в памяти окончание стиха — «**и҆з҃бл҃вить дꙋ́шю свою҃ и҆з҃ рꙋ́ки҃ а҆́довы**».

Одновременно в эпитафийных текстах «зазвучал» погребальный Канон прп. Иоанна Дамаскина. Один из ранних примеров его использования даёт надгробный памятник А. С. Шеину, умершему в 1700 г.[19]:

Таблица 1

Эпитафия А. С. Шеину и стихиры прп. Иоанна Дамаскина чина погребения иноков

Эпитафия А. С. Шеину	**Стихиры прп. Иоанна Дамаскина чина погребения иноков**[20]
Истинна есть, что всякому единъ конецъ — разлученіе души отъ тѣла; равно всякъ перстнымъ покрывается бременемъ; ни силенъ, ни немощенъ, ниже пастырь смерти убѣгаетъ	Стихира, глас 1: **ꙗ҆̀ вса҃ сме́рть прїе́млетъ** Стихира, глас 4: **гдѣ҃ є҆́сть рабо́въ мно́жество҃ва и҆ молва҃; вса҃ пе́рсть, вса҃ пе́пелъ, вса҃ сѣ́нь** Стихира, глас 5: **ᲂу҆́бо кто҃ є҆́сть цр҃ь, и҆лѝ во́инъ, и҆лѝ бога́тъ, и҆лѝ пра́ведникъ, и҆лѝ грѣ́шникъ;**

Данная реминисценция, однако, более созвучна популярному покаянному стиху «Зрю тя, гробе»[21], рисующему всемогущество смерти. Однако созданная на рубеже веков серия эпитафий духовных лиц и членов их семей включает реминисценции из этого канона в систему «малой» эсхатологии. Так, двухстрочная эпитафия сыну пономаря на фрагменте боковой грани надгробной плиты конца XVII или начала XVIII вв. из некрополя при церкви Вознесения села Воскресенского (совр. Ногинский р-н Московской обл.) (CIR0052) призывает читающих к молитве об усопшем:

|[1] (vacat) **Лю҃бе҃ныя моя братныя друзи і҆ ро҃ницы не забꙋдите мя҃ да молите**[c] **за** [----]

[17] Хождение Богородицы по мукам // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб., 1999. С. 306, 308, 314.

[18] Изд.: *Беркович А. Г., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. С. 496–498. № КДС-10.

[19] Подробнее см.: *Авдеев А. Г.* Боярин А. С. Шеин: человек эпохи петровских реформ в зеркале эпиграфики // Отечественная история. 2015. № 5. С. 64–77.

[20] Требник. М.: Печатный двор, XII, 1688. Л. 178, 178 об. Зёрнова, 417.

[21] О нём см.: *Владышевская Т. Ф., Сергеев В. Н.* «Покаянный стих» «Зрю тя, гробе» в литературе, живописи и музыке XVII века // Древнерусское искусство XV–XVII веков. Сборник статей / Отв. ред. В. Н. Сергеев. М., 1981. С. 108–117.

Ил. 2. CIR0928. Москва. Церковь Петра и Павла в Солдатской (Лефортовской) слободе. Белокаменная надгробная плита-вставка с эпитафией Татьяне Максимовой, жене священника Василия Иродионова. 8 мая 1701 г. Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). Документировано 11.04.2019 г., код документирования OG1104, код надписи CIR0928. Операторы документирования: Виталий Васнев, Екатерина Романенко, Денис Кологривов. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева. Публикуется впервые.

|[2] **грѣшника сп**[о]**д**[об]**н ж** [---- поно]**мі́ꙗ** (?) **сн҃ъ мнхлѝ** (vacat) **х҃ру҃ бг҃у да помо**[литеся да учинит дух мой со праведными?]

В основе данной надписи лежит реминисценция на тропарь 8 гласа чина погребения иноков, созданного прп. Иоанном Дамаскиным: «**Дх҃о́бнїи мои҃ бра́тїе и҆ спо́стницы, не забу́дите мене҃ є҆гда̀ мо́литесѧ: но̀ зрѧ́ще мо́й гро́бъ помини́те мои҃ любо́вь: и҆ моли́те хр҃та̀, да оу҆чини́тъ дх҃ъ мо́й є҆ пра́ведными**»[22]. В XVII в. его нередко помещали вместо духовного стиха «Зрю тя, гробе» в росписях пономарских (райских) врат[23].

Эпитафия Татьяне Васильевне, жене священника Василия Иродионова, умершей в мае 1701 г. (церковь Петра и Павла в Лефортове), открывается словами **(Ил. 2)**, также рассчитанными на читателя:

о҆ во҆люблє҃нїи ѻ҆ц҃ы и҆ бра҃ие є҆гда̀
мо́литесѧ не забу́диТе мѧ да не
і҆ведє́ꙗ бу́ду по грехо҃ мои҃мъ
на мѣ́сто м҃чнїꙗ но да ч҃ни́т мꙗ
|[5] **і҆дѣ́же свѣ҃т живо҃ны** <…>

Помимо указанной выше реминисценции на тропарь 8 гласа, в стк. 1–5 почти дословно воспроизведено окончание тропаря 6 гласа чина погребения мирян: «**но̀ прошꙋ̀ всѣ́хъ и҆ молю̀. непрестѧ́нно ѿ мнѣ̀ моли́тесѧ хр҃тꙋ̀ бг҃ꙋ, да̀ не низведе́нъ бꙋ́дꙋ по̀ грѣхѡ́мъ мои́мъ на̀ мѣ́сто мꙋче́нїѧ: но̀ да̀ вчини́тъ мѧ, и҆дѣ́же свѣ́тъ живо́тный**»[24].

[22] Требник. 1688. Л. 179 об.

[23] *Рыбаков А. А.* Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII в. М., 1995. Ил. 84, 85, 162, 163.

[24] Требник. 1688. Л. 151.

Ил. 3. CIR0015. Москва. Земляной город. Церковь Иоанна Богослова в Бронной слободе. Белокаменная намогильная плита-вставка с эпитафией Евдокии, жене дьякона церкви Иоанна Богослова в Бронниках и их детям, девице Анне, Евдокии, Марии (?) и прочим младенцам. 13 октября 1705 г. А. Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема T). Б. Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G). Документировано 28.07.2016 г., код документирования OG0021, код надписи CIR0015. Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Екатерина Романенко, Евгений Юшин, Антон Клеймёнов, Матвей Свойский. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева, Глеб Донской.

На эпитафии Евдокии, жене дьякона Андрея Васильева, клирика московской церкви Иоанна Богослова в Бронниках, умершей в 1705 г. **(Ил. 3)**, читатель видел следующий текст:

Покоѿ гдн дш҃ꙋ ѹпш҃ша
рабы Твоеꙗ ѥдокѿ елѝка
в житѿ ѥ҃ ꙗко человѣкъ согрѣ
шиша ты же ꙗко человѣколю
|5 бе҃ бг҃ъ прости ѥ҃ѧ и помилꙋ вѣ
ныꙗ мꙋки ѩвлви небнꙗ царт
вия причастницꙗ учини і дш҃е ѥ҃ѧ
полѣнꙗꙗ дарꙋ, сиꙗ раба бж҃ꙗꙗ
ѥдокиꙗ сꙋрꙋга се҃ храма
|10 диакона андреꙗ власнѣва <…>

За основу здесь был взят тропарь, завершающий Канон о единоумершем, который помещался в заключительной части Псалтири с восследованием перед Каноном за умерших. Для сравнения приведём его текст по рукописи XVII в. из собрания Московской Духовной Академии: «Покоѝ гн҃ дш҃и оуспшаго/іѧ раба҃/ы твоѥго/еѧ. покло. и҃ ѥлѝка въ житїи҃ семъ ꙗко человѣкъ согрѣшихъ. ты́же ꙗко человѣколюбецъ бг҃ъ простѝ ѥго̀/ѧ ѩхъ и҃

помнлуй, вѣчныя мукы избавн. покло. небному царствію причастника/цу оучнин. и душамъ нашимъ полезное сотворн. поклонъ. гдн сий тропарь. е. рд. по г поклонл;»[25].

Чего же ожидали авторы данных эпитафий, хорошо знавшие чин погребения? В созданных ими текстах нет и намёка на близость Страшного Суда. Создателей этих текстов более волновала «малая» эсхатология. Называя в эпитафиях имена своих близких, их авторы обращались к читателям, шедшим мимо надгробий, надеясь, что они вознесут молитву об усопших, дабы те стали причастниками Царствия Небесного. «Малая» эсхатология не только вытекала из функционального назначения эпитафий. Она являлась своеобразной формой повседневной заботы живых о посмертной участи усопших, способной избавить их от адских мук и — в неопределённом будущем — шуего стояния на Страшном Суде.

Что же касается стихотворных эпитафий, распространявшихся на русских некрополях с 1675 г., то «малая» эсхатология — одна из излюбленных тем надписей этого жанра, что само по себе является темой отдельного исследования. Для примера приведу строки из стихотворной эпитафии конца XVII — начала XVIII вв., происходящей из одного из московских храмов (место находки неизвестно)[26]. Её «героем» является приходский священник, добросовестно служивший в церкви много лет, за что

|[5] **надежно в**[шед? в небес]**нбю обнтель** ’
да тамо бу[дет тебе, Бо]**же зритель** ·
зрящи гр[об сей о] **душе его молися** ’

Говоря иначе, загробная участь в стихотворных эпитафиях — это не вечные муки в аду, но истинная жизнь вместе со святыми и праведниками, наслаждающимися лицезрением Бога[27]. В данном контексте наречие «**надежно**» — поэтический неологизм, употреблявшийся в силлабических эпитафиях — близок по смыслу к существительному «надежа»[28] и, очевидно, означает смерть в надежде на пребывание души в раю (что и подчёркивает эпитафия) и воскресение из мертвых в день Страшного суда. Характерно, что в значении «с надеждой» данное наречие стало употребляться уже в XVIII в.[29].

Обратимся к строительным надписям XVI–XVII вв. В формулярах dispositio данного типа эпиграфических памятников отражены цели строительства, неразрывно связанные с традиционным пониманием храмоздательства и как богоугодного дела, и как формы заботы о будущем живых и умерших родственников. «**Кого же суть похвалении достойнии иже сий храмъ создаша, и толикую красотою украсиша.** <…> **Поистиниче сей мужъ благоугодный, чтитель господу, не от златыхъ сокровищахъ внимлетъ: но славу божию размножаетъ, да воздастъ ему господь за рукотворенный сей храмъ**», — писал в конце XVII в. автор сборника «Статир»[30].

[25] РГБ ОР. Ф. 173/IV (Собрание прочих рукописей библиотеки МДА). № 9. Л. 411 об.

[26] Изд.: *Авдеев А. Г.* Русская силлабическая эпитафия… С. 154–155.

[27] Ср.: *Клейн И.* При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2021. С. 395–397.

[28] В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» данное словоупотребление не отражено. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 65–66. s. v. надежа и однокоренные с ним слова.

[29] Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13. СПб., 2003. С. 169. s. v. надежно, 1.

[30] РГБ ОР. Ф. 256 (собрание Н. П. Румянцева). № 411. Ч. 2. Л. 246. О сборнике см.: От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века «Статир» и её автор / Ред.-сост. С. М. Барков, Т. Б. Соколова. Пермь, 2011.

Таблица 2

Dispositio строительных надписей второй половины XVI–XVII вв.

Дата	Местонахождение надписи	Храмоздатели	Формуляр
1567	Переславский уезд. Село Елизарово. Никитская церковь[31]	Алексей Данилович Басманов	в паметь своих родителей по себе и по своим детем и даде ж се имение с церквой да деревнями впрок вечных ради благъ по своих родителех и по себе и по своих детех и по тех людехъ, которых при мне побили на государских службах, а грехъ ради моих не благоволит Богъ детем моим отчиною владети, и та деревня и церковь та свободна, нет никому до нея дела, окроме церкви
1585/86	Кострома, Святые врата Ипатьевского монастыря (CIR0076)	Дмитрий Иванович и Борис Фёдорович Годуновы	|6 на памѧ҃ ст҃ѹ ѡ҆да҃ в ро҃ а҃ по душа҃ своѝ҃ по своѝ родителе҃ в вѣ҃ны помн|7нокъ
1586	Николаевский Коряжемский монастырь. Церковь Благовещения[32]	Иоанникий Федоров сын Строганов и его дети Яков, Григорий и Симеон и его внучата Максим Яковлев сын, да Никита Григорьев сын, да Андрей и Петр Семеновы дети Строгановы	по себе на память и на поминок ныне и впредь
1644	Ярославль. Земляной город. Церковь Рождества Христова[33]	Акиндин по прозванию Дружина да Гурей Назаровы дети	по своим душам и по своих родителях
1650	Кострома. Церковь Воскресения на Дебре. Придел Трёх Святителей (CIR4012)	Гость Кирилл Исаков	по душѣ Кирилла Исакова въ вѣчную память
1660/61	Киржач. Благовещенский монастырь[34]	Боярин Иван Андреевич Милославский	надъ родителемъ своимъ и по своей душѣ въ вѣчный

[31] *Казакевич Т. С.* О двух надписях в Никитской церкви села Елизарова // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. LX. С. 558.

[32] *Степановский И. К.* Вологодская старина (Историко-археологический очерк). Вологда, 1890. С. 206–207.

[33] *Суслов А. М., Чураков С. С.* Ярославль. М., 1960. С. 48.

[34] *Загорский В. М.* Разбор и описание дел Переславского Духовного Правления // Труды Владимирской Ученой Архивной комиссии. Кн. IV. Владимир, 1902. С. 40 (отд. паг.).

			поминокъ, и погребенъ онъ подъ сею церковію
1685	Галичский уезд. Село Троицкое, Григорьевское тож. Троицкая церковь (CIR4016)	Семён Васильевич Готовцев	въ молитву и моленіе и воспоминаніе своихъ родителей
1688	Кострома. Церковь Преображения за Волгой (CIR4014)	Имя храмоздателя намеренно уничтожено	|15 ра҃н|16 своеѿ дш҃евнаго спасенїа и҆ на вѣ҃ны҃ помнѝнокъ
1689	Переславль Залесский. Троицкий Данилов монастырь. Колокольня (CIR0499)	Князь Иван Петрович Барятинский	|1 по҃рої ^ сню҃ полѧтꙋ колоко҃|2ню свѧтоѝй тр҃цѣ і҆ чл҃доцѣ данилꙋ <…> |3 по вое҃ дш҃е и҆ сро҃нїка҃ |4 своѝ҃ вѣ҃чно҃ помѝно
1691/92 г.	Тула. Знаменская церковь[35]	Иеромонах Феодосий	|9 вѣ҃наго ради по|10мѝновѣнїа по ѻ҃ц҃е свое҃ сх҃нике фе҃досѝ і҆ по ма|11тери свое҃ мар҃и ї по по҃дрꙋ-жи҃ свое҃ е҆ѩтерние ї по сво|12е҃ грѣшно҃ дш҃ѣ ї по про҃хъ своі҃ родителѫ҃
1695/96	Переславль Залесский. Троицкий Данилов монастырь. Братские кельи[36]	Князь Иван Петрович Барятинский	да помолятся о мнѣ грѣшномъ, чтобы избавилъ Богъ муки вѣчной
1697	Шуйский уезд, Тейков стан. Село Алферьево (CIR4089)	Архимандрит Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосий	по отцѣ своемъ Иоанне и по сродникахъ в вечный поминок своею келейною казною
1699	Муромский уезд. Борисоглебский монастырь. Троицкая надвратная церковь[37]	Матфей Дорофеев сын Волгин	въ вѣчное поминовеніе родителей своихъ

Приведённые примеры, хронологически совпадающие с постулируемым исследователями временами «особо напряжённого» ожидания Страшного Суда, показывают, что люди Московской Руси больше думали о вечном. Церковное строительство — это запечатлённая в камне поминальная молитва, одна из форм «малой» эсхатологии, связанная с заботой о будущем собственной души и вечного поминовения храмоздателя, его усопших родителей и родственников. Сомнительно, чтобы подобные формулы, обращённые в вечность, отражали настроения людей, мучительно ожидавших светопреставления.

[35] Изд.: *Авдеев А. Г.* Строительная надпись конца XVII в. из Тулы // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. ст. Вып. II. М., 2005. С. 199–203.

[36] *Свирелин А., прот.* Надписи, имеющиеся в г. Переяславле-Залесском // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. III. М., 1891. С. 34 (3-й паг.).

[37] *Тихонравов К. Н.* Древности Борисоглебского монастыря близь города Мурома // Известия Императорского Российского археологического общества. 1863. Т. IV. Вып. 1. Стб. 414.

Нередко строительные надписи дополнял «каменный синодик» — поминальная таблица храмоздателей или донаторов[38], так же, как и приведённые выше типы надписей, являлся одной из форм «малой» эсхатологии, призванной обеспечить молитву «до конца времён» за храмоздателя, его родственников и близких. Одно из первых упоминаний этих эпиграфических памятников находится в данной грамоте двинского землевладельца Алексея сына Амосова (1566), в которой он завещал принадлежавшие ему вотчины Воскресенской церкви и, как донатор храма, потребовал, чтобы после его смерти имена его родственников, указанные в грамоте, «на стенке написали у жертвенника»[39]. Ещё одна разновидность «каменных синодиков» — родовая поминальная таблица храмоздателя с дополнительными именами, составлявшая единый комплекс со строительной надписью (табл. 2), — известна из данной грамоты боярина Алексея Фёдоровича Басманова на пустошь Вишки в Нерльском стане Переславского уезда «на престол» Никитской церкви в вотчинном селе Елизарове. Храм был выстроен в 1566–1567 гг. на средства А. Ф. Басманова, и в грамоте был предписан порядок поминовения, осуществлявшегося на доходы от пустоши. «Каменный синодик» находился «в большой церкви над жертвенником», и в него, помимо родителей и детей ктитора, были включены имена «людцей», «которыя на государских службах под Казанью при мне, при Алексее, побиты»[40]. В московском же храме князей Михаила и Фёдора Черниговских, что под Бором, выстроенном в 1675 г. на средства члена Суконной сотни Андрея (Малюты) Филимонова сына и его вдовы Ульянии, храмозданная надпись увековечила акт строительства (CIR0953)[41], «каменный синодик» в алтаре (**Ил. 4**) — имена родственников строителей; плита же с эпитафией Андрею Филимонову располагалась в трапезной церкви (CIR0955).

---

[38] Подробнее о «каменных синодиках» см.: *Авдеев А. Г.* «Каменные синодики» и методы их интерпретации и датировки // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XL. СПб., 2021. С. 9–39.

[39] Цит. по: *Шереметев С. Д.* Труды по истории Смутного времени / Сост. М. Д. Ковалёва, А. В. Топычканов, С. Ю. Шокарев. М., 2015. С. 83–84. Номер архивного дела в публикации не указан. О роде Амосовых см.: *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 201–203; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 73–91.

[40] Изд.: *Иоасаф (Гапонов), иером.* Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии, составленное на основание определения Св. Правительствующего Синода от 19 мая / 6 октября 1850 года / Изд. подг. А. И. Раздорский, А. В. Сиренов. СПб., 2019. С. 359; Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К. Н. Тихонравов. М., 1857. С. 132–133; *Добронравов В. Г., Березин В. Д.* Описание церквей Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир, 1895. С. 150–151. Прим. 1 (в сокращении). «Синодик» пострадал во время одного из пожаров и во второй половине XIX в. практически не читался (см.: *Иоасаф (Гапонов), иером.* Церковно-историческое и статистическое описание… С. 359. Прим. 624; Владимирский сборник… С. 132. Прим. *; *Добронравов В. Г., Березин В. Д.* Описание церквей Владимирской епархии. Вып. 2. С. 150. Прим. 1).

[41] В конце XVIII в. надпись находилась справа от южного входа в церковь (Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и сданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений, как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшаго оных приискиванию азбучной росписью умноженной. Ч. IV. М., 1793. С. 55). В ходе реставрационных работ, проводившихся в 2000-е гг., фрагмент плиты был найден на церковной территории (см.: *Беркович В. А., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие… С. 520–521. № МФЧ-22).

Ил. 4. CIR0951. Москва. Замоскворечье. Церковь Михаила и Феодора Черниговских, что под Бором. Белокаменная плита-вставка с родовым синодиком Андрея Филимонова сына по прозвищу Малюта. 25 октября 1675 г. Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема T). Документировано 27.02.2018 г., код документирования OG0833, код надписи CIR0951. Операторы документирования: Сергей Пешков, Илья Соколов, Виталий Васнев, Екатерина Романенко, Денис Кологривов. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева.

Формула «|[13] **в вѣчное положение** |[14] **і помнѧніе по своеи** |[15] **дш҃ін і своихъ родителе**| [16]**лен**» присутствует в надписи 1688 г. на деревянной дощечке о «поставлении» царских врат в Михаило-Архангельский собор Шенкурского острога городским подьячим Иваном Тимофеевым сыном Турутиным **(Ил. 5)**.

Данных примеров достаточно, чтобы признать, что после 1492 г. близость Страшного Суда не входила в круг насущных ожиданий людей эпохи Московской Руси, научившихся ценить радости жизни. В итоге насущной проблемой на рубеже XVII–XVIII столетий стала «малая» эсхатология, связанная с загробной участью души.

Так, подобно тому, как зримым символом преодоления эсхатологических ожиданий конца XV в. стал образ Смерти-скелета[42], тот же образ на закате Московской Руси превратился в символ неизбежного конца индивидуального бытия.

Всяк же косы смерти неизбѣжно чает,
Яже вся во гробѣх имать уравнити, —

писал Симеон Полоцкий цикле стихотворений, посвящённых смерти[43].

Ему вторят строки стихотворной эпитафии келарю Псково-Печерского монастыря Ионе, умершему в феврале 1693 г. (CIR0351):

|[4] **ѿ не ꙁлацнїи богатство ни премнїе сирочою**
млн ї |[5] **велицы пладъ пре ея косою**

[42] Подробнее см.: *Авдеев А. Г.* Образ смерти в христианской культуре XIV–XV вв. и рождение поминальной практики в Московской Руси // Ползуновский альманах. 2017. № 4. Т. 1. Вып. 1. С. 134–143.

[43] Simeon Polockij. *Vertograd mnogocvétnij.* Vol. 3: «Prav nikto že» — «Epitafion» Simeonu. Ed. by A. Hippsley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 2000, p. 141–155.

Ил. 5. CIR4098. Шенкурский острог. Михаило-Архангельский собор. Деревянная дощечка с надписью о поставлении царских дверей в собор Михаила Архангела в Шенкурском остроге подьячим Шенкурской приказной избы Иваном Тимофеевым сыном Турутиным. 15 апреля 1688 г. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева.

И этот же мотив звучит в виршах, приписываемых митрополиту Новгородскому Иову († 1716)[44]:

> О смерте лютая, что ты сотворяеши,
> На кого ты косу свою возлагаеши?
> Всех нещадно сечеши люте косою,
> Без милости, яко траву косою.

Важнейшую роль здесь сыграло и новое восприятие времени, течение которого в эпоху московского барокко стало казаться неумолимо быстротечным:

> Лѣтит время си часами
> во дни, в нощи, як крилами, —

писал Симеон Полоцкий[45]. Этот стих, уподобивший время летящим часам, был столь созвучен эпохе, что как назидательная подпись соединился с образом смерти в популярных лубочных картинках «Маловременная красота мира сего», «Зерцало грешного» и «Человече, помни смертный час». Так Смерть-скелет обрела новый атрибут — крылатые песочные часы[46].

Закономерное продолжение получил и покаянный стих «Зрю тя, гробе». В уже упоминавшемся Синодике конца XVII в. его дополнила стихотворная переработка Погребального канона прп. Иоанна Дамаскина — «**Сло́во ст҃а́го пр҃пнаго о҆ц҃а нашего ї҆ѡа́нна да́мскина ѿ ѹ҆мє́ршихъ да́шахъ ї҆ гро́бѣ**». Отсутствующая в богослужебном тексте фраза уравнивала человеческую жизнь с быстротекущим временем: «**жи́тїе на́ше сѹ́єтное, ꙗ҆́ко часо́вїе по вѡ́дѹхѹ летѧ́єтъ**»[47].

[44] «Москва и Новград едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. / Сост, вступ. статья, комм. Е. В. Анисимова. Новгород Великий, 2008. С. 151. № 140.

[45] Simeon Polockij. *Vertograd mnogocvétnij.* Vol. 1: “Aaron” — “Dětem blagoslovenie”. Ed. by A. Hippsley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Bölau Verlag, 1996, p. 188.

[46] См.: *Сазонова Л. И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991. С. 101.

[47] РГБ ОР. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 157. Л. 47 об. Многочисленные примеры прозаических и стихотворных текстов в синодиках XVII–XVIII вв., развивающих данную тему, приведены Е. В. Петуховым. См.: *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории… С. 228–249.

Ил. 6. Икона «Смерть праведника и смерть грешника». Россия. XVII в. Собрание Музея икон в Рекклингхаузене (Северный Рейн — Вестфалия). Изд.: Haustein-Bartsch E. *Ikonen-Museum Recklinghausen.* München, 1995. S. 37, Abb., 38.

Жизнь стремительно летела, а время на покаяние столь же быстро сокращалось, а в конце пути уже ждала безжалостная Смерть-скелет. Надежду на искупление грехов, совершённых в быстротечной жизни, давали многочисленные нравоучительные рассказы из сборников «Великое зерцало» и «Римские деяния», переведённые в последней трети XVII в. и быстро снискавшие огромную популярность[48]. Ту же смысловую нагрузку несли иконы, сопоставлявшие смерть грешника и смерть праведника **(Ил. 6)**. Однако лучший ответ на эсхатологические ожидания стремительной эпохи дал составленный в 30-е — 40-е годы XVII в. Соловецкий хронограф: «И постави Богъ противу седми дней 7000 лѣтъ, а <о>смый тысящи нѣсть конца, еже есть осмый день, сирѣчь вѣкъ, не мерцая бесконечьный»[49].

Источники и литература

1. *Авдеев А. Г.* Строительная надпись конца XVII в. из Тулы // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. II. М.: Лето, 2005. С. 199–203.

2. *Авдеев А. Г.* Боярин А. С. Шеин: человек эпохи петровских реформ в зеркале эпиграфики // Отечественная история. 2015. № 5. С. 64–77.

3. *Авдеев А. Г.* О надписи на кресте Стефана Бородатого // Прикосновение к вечности. Сборник статей / Научн. ред. Г. Е. Захаров, свящ. А. Постернак. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 162–169.

4. *Авдеев А. Г.* Образ смерти в христианской культуре XIV–XV вв. и рождение поминальной практики в Московской Руси // Ползуновский альманах. 2017. № 4. Т. 1. Вып. 1. С. 134–143.

[48] См.: *Державина О. А.* «Великое зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965; *Ромодановская Е. К.* Римские деяния на Руси: вопросы текстологии и русификации / Исследование и издание текстов. М., 2009.

[49] Цит. по: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). СПб., 2008. С. 86; о Соловецком хронографе см.: *Его же.* Хронографическая компиляция XVII века («Соловецкий хронограф») // ТОДРЛ. 2004. Т. XLV. С. 116–120.

5. *Авдеев А. Г.* Русская силлабическая эпитафия последней четверти XVII — начала второй четверти XVIII в. // Palaeoslavica. 2017. Vol. XXV. № 1. С. 55–177.

6. *Авдеев А. Г.* «Каменные синодики»: методы изучения и интерпретации // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XL. СПб.: СПбИИ РАН, 2021. С. 9–39.

7. *Авдеев А. Г., Донской Г. Г.* «Неистовый блудник» Иван (Голова) Соловцов // Palaeoslavica. 2014. Vol. XXII. № 2. С. 119–146.

8. *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII в. М.: РГГУ, 2009. 448 с.

9. *Антонов Д. И.* Цари и самозванцы. Борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.

10. *Беляев Л. А.* Археолог на кладбище // Московское наследие. 2015. № 3 (39): Московский некрополь: от кургана до Мавзолея. С. 28–35.

11. *Беркович В. А., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ТМ Продакшн», 2017. 765 с.

12. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К. Н. Тихонравов. М., 1857.

13. *Владышевская Т. Ф., Сергеев В. Н.* «Покаянный стих» «Зрю тя, гробе» в литературе, живописи и музыке XVII века // Древнерусское искусство XV–XVII веков. Сборник статей / Отв. ред. В. Н. Сергеев. М.: Искусство, 1981. С. 108–117.

14. *Водолазкин Е. Г.* Хронографическая компиляция XVII века («Соловецкий хронограф») // ТОДРЛ. 2004. Т. XLV. С. 116–120.

15. *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). СПб.: изд-во «Пушкинский дом», 2008. 488 с.

16. *Дергачёва И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004. 352 с.

17. *Державина О. А.* «Великое зерцало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 439 с.

18. *Дианова Т. В.* Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама» / Труды ГИМ. Вып. 94. М.: Государственный исторический музей, 1998. 166 с.

19. *Добронравов В. Г., Березин В. Д.* Описание церквей Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир, 1895.

20. Житие Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 115–130.

21. *Загорский В. М.* Разбор и описание дел Переславского Духовного Правления // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Кн. IV. Владимир, 1902. Материалы. С. 1–42 (отд. паг.).

22. *Зёрнова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. 152 с.

23. *Иоасаф (Гапонов), иером.* Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии, составленное на основание определения Св. Правительствующего Синода от 19 мая / 6 октября 1850 года / Изд. подг. А. И. Раздорский, А. В. Сиренов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 560 с.

24. *Казакевич Т. Е.* О двух надписях в Никитской церкви села Елизарова // ТОДРЛ. 2009. Т. LX. С. 556–563.

25. *Клейн И.* При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 464 с.

26. *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л.: Наука, 1978. 245 с.

27. Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum». https://www.cir.rssda.su

28. «Москва и Новград едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. / Сост, вступ. статья, комм. Е. В. Анисимова. Новгород Великий: Изд-во Новгородского гос. ун-та, 2008. 231 с.

29. *Мурьянов М. Ф.* Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л.: Наука, 1977. С. 91–95.

30. От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века «Статир» и её автор / Ред.-сост. С. М. Барков, Т. Б. Соколова. Пермь: Пермь-Раритет, 2011. 550 с., ил.

31. *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории русского Синодика. СПб., 1895.

32. *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск: Наука, 1973. 230 с.

33. Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и сданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений, как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшаго оных приискиванию азбучной росписью умноженной. Ч. IV. М., 1793. 296 с.

34. *Ромодановская Е. К.* Римские деяния на Руси: вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов. М.: Индрик, 2009. 965 с.

35. *Сазонова Л. И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М.: Наука, 1991. 263 с.

36. *Свирелин А., прот.* Надписи, имеющиеся в г. Переяславле-Залесском // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. III. М., 1891. С. 32–34 (3-й паг.).

37. *Степановский И. К.* Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890.

38. *Сукина Л. Б.* Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 359 с.

39. *Суслов А. М., Чураков С. С.* Ярославль. М., 1960. 278 с.

40. *Тихонравов К. Н.* Древности Борисоглебского монастыря близь города Мурома // Известия Императорского Российского археологического общества. 1863. Т. IV. Вып. 1.

41. Требник. М.: Печатный двор, XII, 1688.

42. Хождение Богородицы по мукам // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 306–321.

43. *Шереметев С. Д.* Труды по истории Смутного времени / Сост. М. Д. Ковалёва, А. В. Топычканов, С. Ю. Шокарев. М.: ООО «Центр Внедрения Инноваций и Технологий», 2015. 356 с.

44. Simeon Polockij. *Vertograd mnogocvétnij.* Vol. 1: “Aaron” — “Dětem blagoslovenie”. Ed. by A. Hippsley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Bölau Verlag, 1996. LX, 356 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. NF. Rh. B: Editionen. Bd. 10/I).

45. Simeon Polockij. *Vertograd mnogocvétnij.* Vol. 3: “Prav nikto že” — “Epitafion” Simeonu. Ed. by A. Hippsley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Bölau Verlag, 2000. VII, 767 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. NF. Rh. B: Editionen. Bd. 10/III).